

ДЕНИКИНСКИЙ РЕЖИМ В КАБАРДЕ: ФАКТОРЫ ЛОЯЛЬНОСТИ

Жанситов Осман Асланович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН» (ИГИ КБНЦ РАН), osman.zhansitov@yanex.ru

Установление власти А. Деникина в национальных округах Терской области, с одной стороны, как в случае Чечни и Ингушетии сопровождалось мощным общенародным вооруженным сопротивлением, с другой, как в случае Кабарды, было поддержано значительной частью населения. Причины этой поддержки явились предметом рассмотрения данной статьи. В связи с этим, внимание обращается на особенности социальной структуры кабардинцев, важным элементом которой выступали высшие сословия, доминировавшие в различных сферах жизни общества, чего не наблюдалось в вайнахской среде. Отмечается, что преследование и ущемление экономических прав кабардинского дворянства большевиками, как социально враждебной советской власти группы, побудило его примкнуть к А. Деникину, который гарантировал сохранение сословных привилегий и стоял на страже частной собственности.

В качестве важного фактора лояльности кабардинцев белой власти рассматривается необходимость защиты общенациональных интересов. Делается вывод, что решение большевиками земельного вопроса в Терской области, в ходе которого малоземельным горским народам была передана часть территорий кабардинцев, мотивировало последних поддержать белое движение. Отмечается, что А. Деникин не признавал преобразований советской власти, в том числе и перекройку административных границ на Тереке, что соответствовало интересам кабардинцев.

Ключевые слова: Терская область, Кабарда, советская власть, деникинский режим, большевики, национальная автономия, революция.

В Кабарде власть Деникина была установлена в начале января 1919 г. в ходе наступления белых на Терскую область. При этом, что характерно, в авангарде деникинских войск, занявших Кабарду находились сами кабардинцы – два конных полка, сформированных на добровольной основе З. Даутоковым-Серебряковым еще в августе 1918 г. Власть белых продержалась в Нальчикском округе до марта 1920 г. Созданные ею структуры военной и гражданской администрации функционировали, в том числе, и благодаря добровольному и широкому участию в последних представителей коренного населения. Деникин в своих «Очерках русской смуты» подчеркивал, что Кабарда, как и Осетия присоединились к белым «сразу и добровольно, созвали вскоре национальные съезды, избрали правителей и советы, установили вполне благоприятные отношения с главноначальствующим и особым совещанием» [Деникин 1925: 121]. Бекович-Черкасский, возглавивший деникинскую администрацию в Кабарде в должности Правителя (учреждена в январе 1919 г. для обозначения высших политических лиц в горских округах Терской области), контролировал ситуацию на подведомственной территории, опираясь, по преимуществу, на собственные силы, благодаря чему удалось сформировать из местного населения Кабардинскую конную дивизию (шесть полков), подавить очаги краснопартизанского сопротивления, а также реализовать некоторые мероприятия в хозяйственной и культурной сферах.

В отличие от Кабарды, в соседних Чечне и Ингушетии местные администрации при белых, возглавляемые также бывшими офицерами царской армии, Правителями Алиевым и Мальсаговым, происходившими из влиятельных горских фамилий, осуществляли свою власть номинально, поскольку подавляющая часть населения этих округов вела крупномасштабные боевые действия с белогвардейскими частями.

Так почему же в пределах территориально крошечной по меркам Российской империи Терской области с ментальной и культурной близостью населяющих его народов белая власть столкнулась в случае вайнахов с ожесточенным сопротивлением, а в случае Кабарды получила относительно спокойный тыл? Какие факторы повлияли на лояльность части кабардинцев деникинскому режиму?

Особенности социальной структуры.

К. Бутаев – видный советский политический, общественный деятель, современник революционных событий на Северном Кавказе в своих мемуарах отмечал следующее: «К концу 1917 г. горцы были достаточно напитаны национальными тенденциями. Но сквозь национальную пелену были видны отдельные группы, интересы которых вот-вот столкнуться. Как в Кабарде, так и в Осетии единой национальной физиономии уже не было. Гражданский мир на основе национальных интересов как там, так и здесь уже давал значительные трещины. Наоборот, в Ингушетии и Чечне сохранилась национальная физиономия и гражданский мир. Здесь приходилось говорить пока что со всем народом. Если за революцию – то весь народ, если против – тоже весь народ. Только отдельные непримиримые элементы возвышались над массой, как яркие контрреволюционеры, или с другой стороны, как яркие революционеры» [А ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 31. Л. 14–15].

Описания Бутаева отчетливо отражают специфику революционного периода в Кабарде, заключающуюся в том, что в отличие от чеченцев и ингушей, имеющих в сложившихся условиях общую повестку, кабардинцы оказались разобщены на противоборствующие лагеря и помимо решения общих задач национального возрождения здесь развернулась борьба за власть между традиционной сословной элитой и обозначившими свои политические амбиции представителями крестьянства и духовенства.

На эти обстоятельства, кроме Бутаева, указывали и непосредственные участники гражданской войны в регионе. Лидер большевистского движения в Чечне Н. Гикало в своей речи на одной из региональных партийных конференций 1925 г. говорил следующее: «...Кабарда как раз оказывается тем народом, где феодализм принял достаточно большие формы. ...Кабардинский народ восстал и особенно уже в 20-е г. почти поголовно вырезал князей... Это говорит о том, что в Кабарде пошла другая борьба, пошла борьба против феодализма, против князей... И борьба в Кабарде отличается от борьбы среди других горцев тем, что она жесточайшая, глубочайшая борьба» [А ИГИ КБНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 7. Л. 132]. Деникин в своих мемуарах также обращал внимание на сословную составляющую гражданского противостояния в Нальчикском округе: «Большая Кабарда... выставила против большевиков отряд сначала в две сотни, потом разросшийся до бригады конницы под начальством ротмистра Серебрякова (Зурбека Даутокова-Серебрякова. – О.Ж.) – представителя кабардинских узденей (дворянства). В то же время представитель «кабардинского пролетариата» пастух Катханов на советские средства сформировал отряд из кабардинцев-большевиков, понесший вскоре поражение в бою с Серебряковым» [Деникин 1991: 169].

Обострившиеся в Кабарде в ходе революции социальные противоречия были обусловлены тем, что среди народов Терской области именно кабардинцы выделялись разветвленной сословной структурой. Будучи трансформированной в

ходе социально-экономических преобразований в регионе, эта структура в общих чертах, все же сохранилась к началу XX века. К. Чхеидзе в своих описаниях дореволюционной Кабарды отразил это положение: «Кабардинцы в социальном отношении делятся на: 1 – князья, их не много, пять-шесть фамилий: Атажукины, Эльбездуковы, Мисостовы, Карамурзины, Наурузовы, Докшукины; 2 – высшее дворянство, три фамилии: Куденетовы, Анзоровы и Тамбиевы; 3 – обыкновенное дворянство – кабардей-ворки, их вместе с двумя первыми разрядами до 25% населения; 4 – вольный народ и бывшие вольноотпущенники; 5 – народ просто, бывшие раньше в рабстве» [Чхеидзе 2008: 53].

Соответственно, четверть населения Кабарды, представленная выходцами из княжеских и дворянских фамилий, автоматически оказывалась в оппозиционном большевикам лагере. Он, к тому же пополнился многочисленным зажиточным крестьянством, бывшими офицерами царской армии, интеллигенцией. То есть чуть ли не половину населения Кабарды можно было отнести в соответствии с большевистскими классовыми критериями к категории «социально-чуждых» советской власти «элементов». Все перечисленные слои были подвергнуты различного рода репрессиям – от реквизиции собственности и лишения избирательных до арестов и расстрелов. При этом большевики старались мобилизовать для своих деяний местное «социально-близкое» население, представленное малоимущим крестьянством, что им отчасти и удалось.

В этих условиях для ущемленных советской властью слоев населения Кабарды, белая власть виделась единственной силой способной противостоять большевикам, положить конец провоцируемому ими хаосу и вернуть прежний, пусть далеко и не идеальный, но порядок. Тем более, что попытка организовать антибольшевистскую борьбу с опорой на собственные ресурсы, что выразилось в движении З. Даутокова-Серебрякова, завершилась, в условиях численного и материального превосходства северо-кавказской Красной армии, неудачей. Отныне продолжение этой борьбы для кабардинцев было возможным лишь в составе Белой армии.

На территориях, занимаемых Добровольческой армией Деникина, в том числе и в Кабарде, все декреты и распоряжения советской власти отменялись, будучи признанными противозаконными, возвращалось прежнее законодательство. Соответственно, все пострадавшие при большевиках лица в Кабарде получили возможность восстановить свои частновладельческие права, вернуться к полноценному участию в общественно-политической и хозяйственной жизни округа. В то же время в притесненном положении в Кабарде оказались сторонники советской власти, представлявшие низшее духовенство и малоимущие слои крестьянства, которые заняли должности в сельских, участковых, окружных администрациях (советах), получили в пользование земельные участки, реквизированные у частных собственников.

Теперь от этих благ приходилось отказываться и компенсировать неустойку вернувшимся владельцам за пользование их участками [Улигов 1979: 218]. Кроме того многие жители кабардинских селений, участвовавшие в разграблении дворянских имений и частных хозяйств в период большевистской анархии, были обложены штрафами в пользу пострадавших. Подобная ситуация обостряла социальную конфронтацию. В условиях, когда притесненная при белых пробольшевистски настроенная часть кабардинского социума не желала терять полученные от советской власти преференции, остальная его часть была заинтересована в сохранении деникинского режима как гарантии неприкосновенности своих групповых интересов.

Национальные интересы.

Ровно в той же мере как поддержка чеченцами и ингушами в определенный период «русской смуты» отвечала их национальным интересам, лояльность

Кабарды деникинскому режиму отвечала национальным интересам Кабардинцев. Участие горцев Терека в борьбе за советскую власть мотивировалось, прежде всего, ожиданиями разрешения остро стоящего земельного вопроса. Как известно, большая часть земельного фонда региона, включавшего наиболее пригодные для распашки участки, сосредоточилась по результатам Кавказской войны в руках Терского казачества. В этих условиях многим горским хозяйствам приходилось вступать в арендные отношения с казаками, и часто арендные условия оказывались неподъемными для горцев, что порой выступало триггером межнациональных конфликтов в области [Гугов 1975: 143]. Пребывающие в стесненном материальном положении по причине малоземелья горцы – чеченцы, ингуши, часть осетин, балкарцы являлись подходящей социальной базой для утверждения в регионе советской власти. Этот мощный ресурс большевики умело использовали для подавления антисоветского восстания Терских казаков (июль-ноябрь 1918 г.). В свою очередь горцы оказали действенную поддержку советской власти, передавшей им часть казачьих земель и пообещавшей широкую национальную автономию.

Кабарда, в отличие от своих соседей, была в целом обеспечена землей, даже несмотря на значительные территориальные потери времен Кавказской войны. Как и к терским казакам, к кабардинцам приклеился ярлык «народа-помещика», хотя земельные владения первых были несравненно обширней, а последним в определенные хозяйственные циклы приходилось выпасать скот на полях соседней ставропольской губернии. Тем не менее, после провозглашения советской власти в Терской области малоземельные горские народы наделялись помимо казачьих, также и кабардинскими землями. Это обстоятельство послужило одним из решающих факторов организации в Кабарде антибольшевистского движения, деятели которого координировали свою борьбу с восставшими терскими казаками. Антибольшевистские круги Кабарды удерживавшие власть в округе в августе – ноябре 1918 г. признали незаконными решения Терской чрезвычайной земельной комиссии об отторжении части кабардинских территорий и на специально созванном народном съезде вынесли постановление об их возвращении [Кажаров 1999: 49–50].

После поражения антисоветского восстания на Тереке, как было отмечено выше, кабардинские повстанческие отряды под командованием З. Даутокова-Серебрякова отступили на Кубань и влились в ряды Добровольческой армии Деникина. Последний не признавал никаких преобразований советской власти, в том числе и земельных, всколыхнувших Терскую область. Соответственно заняв регион, он восстановил, существовавшие здесь до октябрьского переворота административные границы горских округов и казачьих отделов. Этот шаг, конечно же не делает Деникина реставратором «старых царских порядков», ущемляющих горцев, как это представляла советская историография. В этой связи заметим, что и отстаивающий интересы коренного населения региона, демократический «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана», также не покушался на перекройку сложившихся до революции административных границ в целях разрешения остро стоящего земельного вопроса, рассмотрение которого откладывалось до Учредительного собрания.

Таким образом, кабардинцы в период властвования в регионе белых могли не опасаться потери своих территорий, что выступало одним из факторов их лояльности деникинскому режиму.

Теперь рассмотрим, каким образом в условиях деникинского режима соблюдались интересы кабардинцев в сфере их автономистских устремлений, что так же являлось важной повесткой революционного периода для всех горцев Северного Кавказа. Не пытался ли Деникин подавить эти устремления и вернуться к имперской стратегии в национальном вопросе в регионе? Исследователь белого

движения на юге России В. Цветков отмечает по этому поводу: «Общепринятым в советской историографии был тезис о великодержавности, реакционности национальной политики белого движения на Юге России. В соответствии с этим и политика в отношении горских народов считалась основанной исключительно на силовом варианте подавления любых стремлений к автономии. Однако неправомерно было бы считать, что белая власть в своей политике на Кавказе не стремилась к миру, к максимально возможному в рамках единой России уступкам горской самостоятельности. В сравнении с порядком государственного управления, сложившегося на Кавказе во второй половине XIX в., это было заметным шагом вперед. Горцам предоставлялось право избрания своих правителей на съездах, гарантировалось сохранение шариатского права и суда, создание местного самоуправления, разрабатывались земельные законопроекты, призванные обеспечить право горцев на землю даже за счет частичной передачи им казачьих земель» [Цветков 1997: 70–71].

Административные преобразования, проведенные белой властью в регионе, способствовали росту этнического самосознания народов Северного Кавказа. В составе образованного Терско-Дагестанского края были выделены четыре национальных округа – Кабардинский, Чеченский, Ингушский и Осетинский. То есть, в названиях горских административных единиц была возвращена этническая компонента, выведенная из официального употребления после завоевания региона в середине XIX в.

Лидер белого движения на юге России в своих трудах подчеркивал, что в период пребывания региона под его управлением «горские племена пользовались полнейшей самостоятельностью. Единственной государственной тяготой для них была платная поставка продовольствия расположенным в их районах войскам и обязанность выставлять в действующую армию боевые части сообразно численности своего населения». В качестве иллюстрации к этому утверждению Деникин приводил правителя Кабарды Т. Бековича-Черкасского, который получив уведомление о необходимости согласовывать грузоперевозки в Кабарде с краевой властью ответил, что «Кабарда есть самостоятельное административное управление, и оно лишь может запретить им разрешить перевозку грузов по своей территории» [Деникин 1925: 115, 119].

О возможностях автономии кабардинцев в вопросах внутренней жизни свидетельствуют и архивные документы, в частности переписка правителя Кабарды с белыми властями. Стремясь повысить раскрываемость преступлений в Терской области деникинская администрация обратилась к Бековичу-Черкасскому с предложением организовать в Кабарде отделения уголовного розыска, на что последний ответил отказом, сославшись на то, что подобные учреждения не приживутся в специфической горской среде [УЦГА АС КБР. Ф. 197. Оп. 1. Д. 44. Л. 22].

Деникин открыто декларировал лояльное отношение белой власти к национально-религиозной специфике горского социума. В Ростове был образован Мусульманский центр и приняты его положения: «Все мусульманские народы России: черкесы, кабардинцы, осетины, ингуши, чеченцы, дагестанцы... являются равноправными членами семьи народов Российского государства, им открыты пути для культурного и экономического развития» [ГАРФ. Ф. 446. Оп. 2. Д. 97. Л. 68–70].

Национально-освободительное движение коренного населения Северного Кавказа в годы революции развивалось не только в союзе с большевиками против казачества, но и в союзе с белой армии против, собственно, большевизма, который не имел повсеместной поддержки в регионе. К. Чхеидзе указывал на неприятие в горской среде «...проповеди насилия, разрушения, отвержение религиозных и семейных устоев, ненависти ко всему личному, национальному – словом, хаоса, который представляли собой большевики» [Чхеидзе 2008: 45].

А. Деникин, утверждая свою власть на Северном Кавказе, учитывал активизировавшиеся на революционной волне процессы национального самоопределения горских народов. Уже предвидя крах белого движения в начале 1920 г. и желая заручиться поддержкой горцев в сдерживании Красной армии, он даже пообещал последним признать независимость Северного Кавказа до созыва Общероссийского Учредительного собрания.

Формы автономии, предложенные Деникиным, конечно, выглядели ограниченными на фоне большевистских лозунгов о праве наций на «самоопределение, вплоть до полного отделения». Однако предоставляемая советской властью национальная автономия во многом носила декларативный характер. Внутренняя жизнь горских народов при большевиках жестко контролировалась, регламентировалась и координировалась центральной властью. Для Кабарды советская автономия, к тому же, оборачивалась потерей важных структурообразующих групп населения, представленных дворянским сословием, зажиточным крестьянством, национальной интеллигенцией, религиозными деятелями что, как показали дальнейшие события, негативным образом отразилось на возможностях культурного, духовного и общественно-политического развития оставшейся части социума. В условиях же деникинского режима сценарии отрицательной селекции не имели место, что послужило дополнительным мотивом лояльности к последнему в кабардинской среде.

Таким образом, Кабарда, в отличие от соседних национальных округов, оказалась для Деникина менее проблемным регионом в плане лояльности белой власти. Этому способствовали следующие факторы. Во-первых, социальная структура кабардинцев с ее сословной иерархией, доминирующей дворянской компонентой не вписывалась в большевистскую стратегию утверждения в регионе, предполагавшую опору на малоимущее крестьянство. В связи с этим, представители высших сословий и зажиточного крестьянства Нальчикского округа, автоматически оказавшиеся в оппозиции советской власти и подвергшиеся репрессиям поддержали Деникина, как единственную в России силу, способную противостоять большевикам и не покушавшуюся, в отличие от последних, на сословные привилегии и частную собственность.

Во-вторых, помимо защиты групповых интересов, с Деникиным в Кабарде связывали и отстаивание общенациональных, так же погранных большевиками. Прежде всего они были затронуты передачей части кабардинских территорий соседним горским народам в ходе разрешения земельного вопроса в Терской области. Деникин не признавал легитимность советских преобразований, в том числе и перекройку границ административных единиц региона, что явилось одним из факторов лояльности кабардинцев (также как и терских казаков, пострадавших в результате земельного передела) белой власти

Источники и литература

1. А ИГИ КБНЦ РАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.
2. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
3. Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик: Эльбрус, 1975. 495 с.
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин: Слово, 1925. 244 с.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. М.: Мысль, 1991. С. 169
6. Кажаров В.Х. Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев // Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 184 с.

7. Улигов У.А. Социалистическая революция и гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1937 гг.). Нальчик: Эльбрус, 1979. 354 с.

8. УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

9. Цветков В.Ж. Забытые страницы «второй кавказской войны» // Белая гвардия. 1997. № 1. С. 70–71.

10. Чхеидзе К.А. Генерал Заур-Бек Даутоков-Серебряков: Гражданская война в Кабарде. Нальчик: Кавказская здравница, 2008. 120 с.

DENIKIN'S REGIME IN KABARDA: FACTORS OF LOYALTY

Zhansitov Osman Aslanovich, Candidate of History, Associate Professor, Researcher of the New History Section of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), osman.zhansitov@yandex.ru

The establishment of the power of A. Denikin in the national districts of Tersk Oblast, on the one hand, as in the case of Chechnya and Ingushetia, was accompanied by strong popular armed resistance, on the other, as in the case of Kabarda, was supported by a large part of the population. The reasons for this support were the subject of a review of this article. In this regard, attention is drawn to the peculiarities of the social structure of the Kabardians, an important element of which was the higher classes that dominated various spheres of society, which was not observed in the Vainach environment. It is noted that the persecution and infringement of the economic rights of the Kabardin nobility by the Bolsheviks, as socially hostile to the Soviet power of the group, prompted him to join A. Denikin, who guaranteed the preservation of class privileges and stood on the guard of private property.

The need to protect national interests is considered to be an important factor in the loyalty of the Kabardinians to the white authorities. It is concluded that the solution of the land issue by the Bolsheviks in the Tersk region, during which part of the territories of the Kabardians were transferred to small-earth mountain peoples, motivated the latter to support the white movement. It is noted that A. Denikin did not recognize the transformation of Soviet power, including the redrawing of administrative boundaries on Terek, which was in the interests of the Kabardinians

Keywords: Terek region, Kabarda, Soviet power, Denikin's regime, Bolsheviks, national autonomy, revolution.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-22-28